

МИУС

НИЧЕМ особенным не был приметен в станице своей Семен Макеев: роста среднего, сероглазый, с веснушками на круглом лице. Правда, за последнее время Семен постарел. На лице появились новые морщинки, а в волосах прибавилась седина. Заострился нос. Даже жена заметила это.

— Что это ты все худеешь?

— Значит, так и надо, — отмахнулся Семен.

Характер у Семена остался прежним. Целый, напористый, что ни есть решительный. Одно новое: стал часто задумываться. И было о чем! Семен Макеев — фронтовик. Еще в 41-м году юношей попал Семен на передовую и с той поры пробыл на фронте до конца войны. Во многих переплетках бывал. С

боями прошел Калмыцкую степь, участвовали в освобождении Ростова. Но особенными днями в своей фронтовой жизни он считал Миус-фронт. Здесь в 1943 году на высотах шли длительные ожесточенные бои. Начиная с февраля по конец августа, Семен жил в траншее, участвовал во многих вылазках за «языком», был дважды ранен, потерял многих товарищей, был засыпан в окопе и полуживым вытаскн дру́зьями, гложнх от артиллерийских кононад.

И раньше Семену виделись тревожные сны, слышались разрывы гранат. А за последние годы все чаще стали сниться погибшие друзья, и все больше те, что пали на Миусских высотах. Как-то проснулся весь от пота мокрый: услышал во сне голос своего тезки Семена Жихарцева, уроженца Ростовской области: «Прикончи меня, Семан... Зря тащишь. Все равно помру... Помру... Помру!» Выбываясь из сил, волок тогда Семен на плащпалатке друга с передовой в санчасть, но так и умер по дороге Жихарцев.

А в прошлый четверг через станицу тягач колхозный проходил и на повороте вплотную увидел Семен оскал отполированных гусениц. Посмотрел тягачу вслед, тоскливо стало на душе. Ничего не видел вокруг, одно в ушах стояло неисходно: сухой лязг гусениц над истонный плач девочки. Было это в конце августа на Миусе. Полк прорвал оборону противника под Александровкой. Фашисты бежали. Наши бойцы преследовали их. Семен Макеев, пересев на трофейный мотоцикл, вырвался вперед. Вдруг в подсолнухах, у воронки от снаряда, он заметил девочку лет пяти-шести. Она ползла, сама не зная куда, и громко плакала. Сделав крутой поворот, Макеев соскочил с мотоцикла, взял на руки девочку.

— Вперед! — прокричал ему сержант.

Но Семен сделал вид, что не расслышал, и, отвернув пробку от фляги, стал поить девочку.

«Подвезу до первого села, отдам кому-нибудь из жителей. Не бросать же малютку в поле».

Посадил Семен девочку на

бензобак мотоцикла и прикрепил ее ремнем на всякий случай.

А тут танки появились.

«Сволочи!..» — успел только подумать Семен, и взрыв опрокинул мотоцикл. Когда вернулось сознание, Семен с трудом приподнял голову. Мотоцикл горел. Перебитый осколком ремня валялся рядом, а чуть подалее лежала девочка и плакала.

«Жива, значит...».

По полю мчался вражеский танк.

— Он же может раздавить девочку! — с ужасом подумал Семен.

А гусеницы танка подминали стебли подсолнухов и уже совсем близко над девочкой мелькали блестящие траки. Семен Макеев стал беспомощно ошупывать себя. Гранат не было. «Эх, — заскрипел он зубами, — в самый раз гранату бросить!» Но тут раздался резкий и сильный взрыв. Танк дернулся и замер, из него густо полавил дым. А девочки видно не было...

СЕМЕН побрел к дому. Лаяла чужая собака, но

Семен словно не замечал ее. В глазах мелькали блестящие траки гусениц, виднелось искаженное судорогой лицо девочки и поле — миусское поле с растоптанными и разбросанными по нему подсолнухами.

Желание побывать на местах боев сильно овладело им. Каждый день в глазах стояли глазницы дотов и дзотов с торчащими дулами пулеметов, пахло горелой землей, как тогда в траншеях. «Поеду. Во что бы то ни стало поеду. Поклонюсь низко могилам товарищей... Обниму землю миусскую, политую кровью друзей... Поброжу по высоткам... Может, и поплачу. Не грешно фронтовику поплакать по друзьям. На душе полегчает».

— Шей-ка мне мешочек, — сказал он жене.

— Зачем? — удивилась та.

— Нужен. Из красного бархата шей. Земли привезу.

— Какой земли?

Окончание на 4 стр.

ЗВЕЗДА

19 ноября 1968 года.